

**Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету**

Михеев В. К., Шрамко Б. А. Вклад ученых Харьковского университета в развитие археологии (1805–1990 гг.) // Вестник Харьковского университета. – 1991. – № 357: Историческая наука в Харьковском университете (К 185-летию ХГУ). – Вып. 24. – Харьков: Издательство «Основа» при Харьковском государственном университете, 1991. – С. 104 – 130.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **e-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автори монографії

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

Х., 1988. 47. *Петров М. Н.* Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции. Х., 1861. 48. *Петров М. Н.* Лекции по всемирной истории. В 4-х т. 2-е изд., испр. и доп. Спб., 1904. 49. *Надлер В. К.* Меттерних и европейская реакция. Х., 1882. 50. *Бузескул В. П.* Восстание греков и отношение к нему Европы в 1821—1829 гг. Х., 1897; *Его же.* Современная Германия и немецкая историческая наука XIX столетия: К происхождению современной германской идеологии. Пг., 1915. 51. *Гольдин Н. С.* Падение сословно-земского строя в Прусской монархии. Х., 1916. 52. *Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Л., 1929—1931. Ч. 1—2. 53. *Бузескул В. П.* Французские историки 20-х годов XIX столетия и их отношение к революции 1830 г. Л., 1931. 54. *Гольдин Н. С.* Предисловие редактора // Дантон Ж. Избранные речи. Х., 1924. С. 3—18. 55. *Его же.* Социализм и коммунизм во Франции до половины XIX в. Х., 1925. 56. *Вич К. М.* Баррикады в Вильнев-Сен-Жорже и предательство Всеобщей Конфедерации Труда во Франции // Тр. истор. ф-та Харьк. гос. ун-та. 1940. Т. 19. 57. *Скаба А. Д.* Конституция 1793 року // Науч. сессия ист. ф-та Харьк. ун-та: Тез. докл. Х., 1938. 58. *Альпер Р. С.* Австрийский рейхстаг в октябре 1848 года: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1946. 59. *Сапожникова Г. А.* Бременская Рада робітничих депутатів з 7 листопада по 4 лютого 1919 р. // Тр. іст. ф-ту Харк. держ. ун-ту. 1957. Т. 6. 60. *Прокопчук А. Т.* Робітнича політика австрійської соціал-демократичної партії в період революції 1918 р. // Пит. нової та новітньої історії. Х., 1977. Вип. 23. 61. *Черноскотов А. И.* Национальное движение меньшинства в Англии (1924—1926 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1974. 62. *Подлесний Н. П.* Робітничий клас країн капіталу — вирішальна сила антимонополістичної боротьби // Комуніст України. 1973. № 2. 63. *Пахомов В. Ф.* Соціально-економічна політика Народного фронту в Чилі (1938—1941 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Х., 1980. 64. *Антологія літератур Сходу.* Х., 1961. 65. *Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения. М., 1955—1960. Т. 1—6. 66. *Лунин М. М.* Индия. Взгляд на жизнь индоостанского народа // ЖМНП. 1837. Июль. 67. *Его же.* Взгляд на историографию древнейших народов Востока // Москвитянин. 1842. Ч. IV. № 8. 68. *Рославский-Петровский А. П.* Очерки древней Индии. Х., 1871. 69. *Ковалівський А. П.* Вивчення культури новітнього Єгипту в Радянському Союзі. Освіта, література, театр, кіно, музика // Тр. іст. фак-ту Харк. держ. ун-ту. 1957. Т. 6. 70. *Ветров Б. В.* Положение рабочего класса и начало пролетарского движения в Шанхае (1919—1920 гг.) // НДВШ. 1959. № 4. 71. *Побеленский Я. А.* Движение сторонников мира в Японии // Борьба народов Азии за мир. М., 1962. 72. *Литвиненко Ю. Г.* Развитие коммунистического движения в Индии в 1927—1929 гг. // Уч. зап. Харьк. гос. ун-та. Тр. каф. истории КПСС. 1962. Т. 10. 73. *Чувпило А. А.* Идеино-политическая борьба в Индийском национальном конгрессе в 20-е годы XX в. Деп. в ИНИОН АН СССР. Х., 1988. 74. *Его же.* Индийская буржуазная историография о борьбе Индийского национального конгресса за независимость страны в 1917—1947 гг. // Вопр. новой и новейшей истории. К., 1984. Вип. 30.

Поступила в редколлегию 10.11.88

В. К. МИХЕЕВ, д-р ист. наук,
Б. А. ШРАМКО, д-р ист. наук

ВКЛАД УЧЕНЫХ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИИ (1805—1990 гг.)

Начальная история Харьковского университета характеризуется эпизодическим интересом к памятникам археологии. Сбор сведений и доставка древностей в университет были едва ли не прерогативой университетской профессуры во время командировок по служебным делам. В этом отношении характерна деятельность

первого ректора университета *И. С. Рижского*, а также *И. Ф. Тимковского*, *Г. П. Успенского* и других профессоров университета. Кроме того, профессора университета проводили определенную работу по популяризации древних памятников. Последнее способствовало тому, что организованный в 1807 г. кабинет редкостей, кроме купленных, пополнялся за счет пожертвованных экспонатов.

Начало изучения древнейшей истории родного края по археологическим памятникам в Харьковском университете следует связывать с именем основоположника этого учебного заведения *В. Н. Каразина* (1773—1842). Крупный общественный деятель и ученый, *В. Н. Каразин* придавал большое значение местным древностям, особенно городищам, и в 1827 г. отмечал, что «некоторые из них, конечно, до иродотовых времен, следовательно, старше всего того, что за исключением берегов Черного моря представляет нам Россия. Но их нужно разрывать» [1, с. 585]. *В. Н. Каразин* полагал, что городища «старее царей и важнее для нас их монет» [2, с. 587]. Данные о городищах он сообщал *З. Ходаковскому* (*Адам Черноцкий*) — одному из пионеров изучения русских древностей. Высказывая мысль о необходимости изучения древностей, сам основоположник университета раскопки не производил, но с благодарностью отзывался о первом из харьковских ученых, предпринявшем раскопки: «Спасибо и спасибо *Вадиму Васильевичу Пассеку* за предприятие исследовать могилы [курганы.—*В. М., Б. Ш.*] полуденных губерний» [Там же, с. 587].

Воспитанник Московского университета, находившийся в дружеских и родственных отношениях с *А. И. Герценом*, *В. В. Пассек* (1808—1842) был горячим патриотом своей Родины и серьезным ученым-этнографом, понимавшим задачи археологии в планомерном исследовании памятников старины на территории России. Археологический материал он рассматривал как исторический источник, дополняющий сведения летописей. Ему принадлежат описания курганов и городищ Харьковского, Изюмского, Валковского и Полтавского уездов, а также находок, сделанных во время раскопок. Обнаруженные в курганах вещи служили для *В. В. Пассека* материалом для определения этнической принадлежности погребенных. *В. В. Пассек* положил начало исследованиям славянских памятников на Северском Донце [24]. В 1838—1839 гг. он осмотрел укрепления городища возле Карачевки под Харьковом и отождествил его с древнерусским городом Донцом, известным по *Ипатьевской летописи* [3, с. 211—216]. Помимо курганов и городищ внимание исследователя привлекла древняя скульптура в виде каменных «баб», которые он хотел изучать в связи с курганами. Большая коллекция половецких каменных баб была доставлена *В. В. Пассеком* в музей Московского университета и передана затем в Московский Исторический музей (ныне Государственный Исторический музей). Изучение курганов показало, какие ценные материалы могут дать памятники старины.

Археологическими памятниками, в связи с изучением культуры древних славян, интересовался известный этнограф и языковед-славист *И. И. Срезневский* (1812—1880). В 1839 г. вышла из печати его работа по истории Слободской Украины, где автор описывает различные археологические объекты с топографическим их расположением и конструктивными особенностями [4]. В 1848 г. *И. И. Срезневский* издал другую работу, специально посвященную древним городищам, указав на важность их изучения, и дал научное истолкование им как памятникам древнего богослужения [5]. Рассмотренные им городища на самом деле являлись широко распространенными на юге Восточной Европы майданами, назначение которых до сих пор не ясно археологам и вызывает дискуссии, но взгляд на них как на культовые сооружения древности, видимо наиболее оправдан.

Во второй половине XIX в. развитию археологии как особой отрасли исторической науки способствовал ряд обстоятельств: создание Археологической комиссии (1859 г.), образование археологических обществ, археологические съезды и др. Вместе с нумизматическими материалами в Харьковский университет продолжали поступать отдельные случайно найденные вещи, которые доставлялись в отдел редкостей музея изящных искусств и древностей. В этих приобретениях принимали участие *Н. Ф. Борисьяк*, *Г. С. Чириков*, *Ю. И. Морозов*, *И. П. Шелков* и др. Посредническую деятельность между учеными университета и добытчиками древностей осуществлял русский и украинский фольклорист и исследователь обычного права *П. С. Ефименко* (1835—1908) — отец крупного советского археолога Петра Петровича Ефименко. Он занимал пост секретаря губернского статистического комитета, отбыл ссылку как народник и, кроме ряда специальных исследований, опубликовал статью «Кое-что о древностях Харьковской губернии» [6]. В период с 1867 г. по 1881 г., когда музеем изящных искусств заведовал известный филолог-славист *А. А. Потемня* (1835—1891), его помощником был *Г. С. Чириков*, впоследствии написавший статью «О каменных бабах Харьковской губернии». При них музей вместе с мюнц-кабинетом стал гордостью университета.

Родоначальник школы харьковских геологов профессор *Н. Д. Борисьяк* (1817—1882) был страстным собирателем древностей. В 1874 г. он принимал участие в работе III Археологического съезда в Киеве, где докладывал о случайных находках, сделанных во время строительства Харьковско-Азовской, Харьковско-Николаевской, Одесской и Константиновской железных дорог. Участником V Археологического съезда в Тифлисе в 1881 г. был профессор кафедры физической географии и минералогии *Ю. И. Морозов* (1836—1900). Его статья «О городищах Харьковской губернии» не потеряла своего значения до настоящего времени. В ней *Ю. И. Морозов* дает подробное описание многих городищ губернии — как известных до него, так и открытых им лично [8]. В городищах и майданах он видел памятники разного

назначения. Майданы Ю. И. Морозов считал памятниками культового назначения, а городища — укрепленными местами для обитания населения. Коллекция древностей, собранная Ю. И. Морозовым, была передана в музей изящных искусств. За нее он был удостоен серебряной медали на антропологической выставке 1879 г. в Москве. Сбором археологического материала занимался профессор физиологии Иван Петрович Шелков, передавший свою коллекцию в географический кабинет университета.

15—27 августа 1902 г. в Харькове состоялся XII Археологический съезд. Большую помощь в его подготовке оказали ученые университета. В работе Харьковского предварительного комитета по устройству съезда приняло участие 38 профессоров и преподавателей, что составляло более половины всех членов комитета (62 чел.). Председателем комитета был избран *Дмитрий Иванович Багале́й* (1857—1932), много сделавший для развития археологии в Харьковском университете. Участник многих археологических съездов, он активно пропагандировал местные памятники археологии и работу ученых Харьковского университета в деле их изучения, чему были посвящены его доклады на VIII, X и XI Археологических съездах. Чрезвычайно важным для своего времени был составленный Д. И. Багале́ем свод археологических памятников Харьковской губернии в виде специальной археологической карты и объяснительного текста к ней [9], что позволяло ориентироваться в местных древностях и давало возможность приступить к их планомерному изучению. Известные ему городища в бассейне Сев. Донца он связывал со славяно-русским населением и ошибочно считал их остатками древнерусских городов. Проводил Д. И. Багале́й и археологические раскопки, например, курганов в Валковском и Богодуховском уездах, часть которых относилась, как это можно установить сейчас, к культуре местных племен скифского времени. По поручению предварительного комитета Д. И. Багале́й возглавил специальную комиссию, куда входили *А. М. Покровский* и *Е. П. Трифилев*, по изучению Верхне-Салтовского могильника, открытого в 1900 г. археологом-энтузиастом В. А. Бабенко. На XII Археологическом съезде Д. И. Багале́й, вслед за Д. Я. Самоквасовым, высказал мысль о принадлежности могильника хазарам.

В период подготовки XII Археологического съезда выдвинулся как археолог приват-доцент *А. М. Покровский* (род. 1868 г.) — выпускник физико-математического факультета Киевского университета. Он обратил серьезное внимание на антропологический материал, получаемый во время раскопок. Его методические рекомендации по сбору антропологических остатков во время раскопок имеют большое значение для археологии. На Верхне-Салтовском могильнике *А. М. Покровский* вскрыл более 50 могил и результаты исследования подробно доложил XII Археологическому съезду. Другой участник упомянутой комиссии *Е. П. Трифилев* (род. 1867) с 1893 г. состоял консерватором музея изящных искусств и древностей, а в 1901 г. был утвержден приват-до-

центом по русской истории. Кроме экспедиции в Верхний Салтов, он предпринял самостоятельные раскопки курганов в бывшем Купянском уезде, о результатах которых было доложено XII Археологическому съезду. Копал он курганы и на территории Екатеринославской губернии, куда совершил археологическую экскурсию в 1905 г. по предложению Московского археологического общества.

Ученым, широко известным археологической общественности, был приват-доцент по русской истории *В. Е. Данилевич* (род. 1872). Воспитанник Киевского университета, он занимался древней русской историей, археологией и нумизматикой у *В. Б. Антоновича*. С переездом в Харьков в 1901 г. принял активное участие в разведочных и раскопочных работах в различных уездах Харьковской и других губерний России. Исследовал древние курганы, городища, стоянки и мастерские. Как полноправный исторический источник рассматривал *В. Е. Данилевич* нумизматический материал. К ценным работам харьковского периода научной деятельности ученого принадлежит составленная им «Карта монетных кладов и отдельных монет Харьковской губернии» и ряд других статей [10].

С 1911 г. началась археологическая деятельность *А. С. Федоровского* (1885—1939), окончившего физико-математический факультет Харьковского университета. По поручению университета он производил раскопки Верхне-Салтовского могильника. Во время геологического изучения Кубанской области в 1912 г. *А. С. Федоровский* исследовал дольмены. Вернувшись из поездки в Западную Европу в 1916 г., где он изучал археологические коллекции, произвел раскопки курганов под г. Волчанском. Однако наиболее интенсивно занимался *А. С. Федоровский* археологией в послеоктябрьский период.

В той или иной степени занимались археологией крупный этнограф *Н. Ф. Сумцов*, магистр теории и истории искусств *Е. К. Редин*, профессор кафедры русского языка и словесности *М. Г. Халанский* и др.

Своеобразная политическая и военная обстановка, сложившаяся на Украине после Великой Октябрьской социалистической революции, привела к тому, что до конца 1919 г. учебная и научная работа в Харьковском университете проходила в исключительно тяжелых условиях. Но даже при таких обстоятельствах научные исследования в области археологии продолжались. В 1917 г. *А. С. Федоровский* сдал экзамен на степень магистра и был избран приват-доцентом кафедры геологии. Одновременно с чтением лекций по палеонтологии и минерологии он занимался изучением неолитических стоянок в бассейне Сев. Донца. Печатных работ в это время появилось очень мало. В 1918 г. вышел популярный очерк *А. С. Федоровского* «Доисторическое прошлое Харьковской губ.» и статья заведующего музеем изящных искусств и древностей проф. *Ф. И. Шмидта* «О Тмутаракани» [11]. Избранный в 1919 г. академиком АН УССР *Д. И. Багалей* опубликовал

в этом же году статью о научной деятельности В. Е. Данилевича, а проф. В. П. Бузескул напечатал рецензию на книгу М. И. Ростовцева «Эллинист и иранство на юге России» [12].

1920 г. был, по существу, первым годом, когда началась настоящая перестройка всех высших учебных заведений Украины. В Харькове вместо университета была создана Академия теоретических знаний, просуществовавшая до июня 1921 г. Работа в области археологии должна была проводиться в это время на кафедре всеобщей истории, которую возглавлял В. П. Бузескул. Старым университетским ученым, работавшим в Академии теоретических знаний, было не совсем ясно новое направление их деятельности, хотя некоторые из них уже становились на путь пересмотра своих научно-методологических позиций. В 1920 г., впервые после революции, харьковские ученые, поддержанные органами советской власти, несмотря на экономические трудности, возобновили полевые археологические исследования. Проф. А. М. Покровский на средства, выделенные археологической секцией Харьковского губернского Комитета охраны памятников искусства и старины, производил раскопки катакомбных погребений VIII—X вв. в могильнике у с. Верхний Салтов, а А. С. Федоровский занимался раскопками в г. Змиеве (ныне Готвальд). Кроме того, А. С. Федоровский опубликовал в 1921 г. интересную статью «Доисторические разработки медных руд и металлургия бронзового века в Донецком бассейне» [13]. Вопрос этот и сейчас еще недостаточно разработан, а тогда такая тема в исследованиях харьковских археологов была совершенно новой.

С осени 1921 г. до 1930 г. научная деятельность харьковских археологов была сосредоточена главным образом на научно-исследовательских кафедрах при Харьковском институте народного образования (ХИНО). Тематика кафедр была очень пестрой. Так, на кафедре истории Украины, которую возглавлял Д. И. Багалей, разрабатывались не только вопросы истории украинского народа, но и вопросы украинской этнографии, искусствоведения, иконографии, фольклора, археологии и другие. Археологией здесь занимались А. С. Федоровский, аспирантки Г. И. Тесленко и Берченко. Г. И. Тесленко написала в 1922 г. отчет о раскопках в Верхнем Салтове и собирала материалы о скифских городищах Харьковской губернии, а Берченко занималась классификацией бус Верхне-Салтовского могильника и приступила к разработке материалов о поздних кочевниках. На кафедре истории европейской культуры археологией занималась аспирантка В. П. Бузескула Т. А. Ивановская, которая специализировалась на изучении древних памятников кавказского искусства.

Начиная с 1925 г. в ХИНО стали появляться аспиранты новой формации, обучавшиеся уже в советской высшей школе, полные энергии и желания по-новому, с позиций исторического материализма изучать древнейший период истории нашей Родины. Среди этих аспирантов в 1925—1926 гг. были А. А. Потапов, Н. К. Фукс и О. Ф. Лагодовская. Они сразу же приняли самое активное уча-

стие в археологических разведках на селищах скифского времени у с. Снежковки, г. Валки, ст. Верещаковка, изучали памятники черняховской культуры у хуторов Замосский Кут и Ольховский Валковского района, обследовали городища Харьковщины и стоянки эпохи неолита у с. Кицевка. Постоянным местом разведок было расположенное на окраине Харькова Донецкое городище.

Из аспирантов ХИНО, которые специализировались в области археологии*, наиболее заметный след в науке того времени оставил А. А. Потапов. Вначале он занимался первобытной археологией Кавказа, изучая памятники палеолита и неолита. В 1925 г. он прочитал доклад «К вопросу о путях распространения обсидиановых изделий в каменном веке из Закавказья на север» на краеведческом съезде в Батуми, а в 1926 г. выступил на первой Всесоюзной конференции археологов СССР в Керчи с обобщающим докладом «Неолитические стоянки Закавказья». Он же опубликовал несколько предметов салтовской культуры из коллекции Музея Грузии и Харьковского музея. Е. Ф. Лагодовская сделала сообщение об одной из археологических разведок.

Большое значение имела работа молодых археологов А. А. Потапова, Н. К. Фукса и И. Н. Луцкевича по изучению памятников скифской эпохи. В 1925—1931 гг. под руководством А. С. Федорова они обследовали большое количество городищ раннего железного века в бассейнах Северского Донца и Ворсклы. Детальная разведка более 40 городищ дала возможность вполне убедительно выделить из всей массы укрепленных поселений в этой части Лесостепи отдельные городища скифской эпохи и связанные со славянским заселением данной территории. К сожалению, только некоторые результаты этой большой коллективной работы получили отражение в опубликованных статьях. Н. К. Фукс дал краткий, в основном топографический, обзор пятнадцати городищ скифской эпохи без приложения планов [14]. А. А. Потапов написал интересную статью об одной из групп керамики Бельского городища [15]. В 1926 г. студенты ХИНО под руководством А. С. Федоровского обследовали остатки трех мамонтов и других животных эпохи плейстоцена, обнаруженных на месте строительства Госпрома. В 1927 г. И. Н. Луцкевич раскапывал катакомбы Верхне-Салтовского могильника, а в 1928 г. на территории Харькова при прокладке трамвайной линии на пл. Розы Люксембург обнаружил остатки могильника VIII—X вв. с погребениями в деревянных колодах.

Большое значение имели исследования А. С. Федоровского на Донецком городище. В 1926 г. на городище производились раскопки землянок, а в 1929—1930 гг., используя работы, связанные со строительством шоссе, А. С. Федоровский произвел

* Официально они считались аспирантами-историками при кафедрах истории украинской культуры, истории античной культуры и т. п., но занимались археологией.

значительные раскопки на посаде, примыкающем к детинцу древнерусского города Донца. В результате здесь удалось собрать ценный материал для характеристики хозяйства, быта и культуры местного населения эпохи Киевской Руси, к сожалению, большей частью утерянный в период Великой Отечественной войны. А. С. Федоровский начал также работу по изучению таких своеобразных памятников, как майданы. Ему принадлежит критический обзор основных работ, посвященных майданам [16]. В заповеднике Аскания-Нова он изучал коллекцию каменных баб и начал создавать фототеку этих скульптур, в чем ему оказывала помощь сотрудница музея М. В. Давыдова. Интересовался он и памятниками, связанными с историей Золотой Орды. Наконец, необходимо особо подчеркнуть то большое внимание, которое уделял А. С. Федоровский делу систематизации, учета и охраны археологических памятников. Он был одним из самых активных членов Археологического комитета АН УССР и созданного в 1926 г. Украинского Комитета охраны памятников культуры при Укрнауке. С целью привлечения широких масс трудящихся к охране и изучению местных памятников он составил подробную программу сбора и регистрации археологических находок, которая сопровождалась кратким иллюстрированным обзором археологии Украины и подробной инструкцией. Методические указания, составленные А. С. Федоровским, во многих случаях сохраняют свое значение и сейчас [17].

Научная деятельность этого периода разворачивалась не только на соответствующих кафедрах ХИНО. В январе 1921 г. было создано Харьковское научное общество, председателем которого стал академик В. П. Бузескул. На заседаниях общества заслушивались различные доклады и библиографические обзоры русской и иностранной литературы. К сожалению, тематика докладов была не всегда достаточно актуальной, а научная разработка тем иногда оставляла желать лучшего.

Начавшаяся уже было налаживаться научная работа была прервана в 1930 г., когда ХИНО был ликвидирован.

В сентябре 1933 г. был, наконец, вновь открыт Харьковский университет с историческим факультетом. Но для историков процесс преобразований еще не закончился, так как в 1935 г. исторические кафедры были ликвидированы, а в 1936 г. вновь восстановлены. Кафедру древней истории и археологии с 1937 по 1951 г. возглавлял профессор С. А. Семенов-Зусер. Он пришел в университет ученым с уже вполне сложившимся кругом интересов, который включал историю племен Сев. Причерноморья в раннем железном веке (скифы, тавры) и историю античных городов.

В 1939 г. С. А. Семенов-Зусер опубликовал работу «Скіфичовники на території Північного Причорномор'я» [18], которая является переработанным и расширенным вариантом ранней статьи «Родовая организация у скифов Геродота», подвергнувшейся в свое время суровой критике со стороны В. И. Равдоникаса и О. О. Крюгера [19]. К сожалению, и новый вариант стра-

дал существенными недостатками, так как работа представляла собой в основном компиляцию.

При кафедре древней истории и археологии университета имелся Археологический музей, которым после перехода А. С. Федоровского в 1936 г. на работу в Харьковский педагогический институт заведывал его ученик И. Н. Луцкевич. Он читал лекции по основам археологии, продолжал археологические разведки и раскопки, руководил студенческим археологическим кружком (отдельно существовал кружок древней истории, которым руководил С. А. Семенов-Зусер). И. Н. Луцкевич был неутомимым полевым исследователем и умел заинтересовать этой работой других. О научной деятельности И. Н. Луцкевича в предвоенные годы известно мало. В 1940 г. он начал раскопки большого кургана с каменным кромлехом под насыпью у с. Старый Мерчик. Выяснилось, что в курган бронзового века было впущено погребенные скифской эпохи, но последнее было ограблено, и от инвентаря сохранились только два фрагмента керамики. Война не позволила завершить эти раскопки. Сам И. Н. Луцкевич погиб в Харькове во время немецкой оккупации города. Уже после его смерти были опубликованы статьи о сарматском кургане в Нещеретове, а также некоторые сведения о других его раскопках [20].

Завершающей в серии работ С. А. Семенова-Зусера, посвященных скифам, была книга «Скифская проблема в отечественной науке» [21]. Работать над ней он начал еще во время эвакуации в Кзыл-Орде. Этим и объясняются в значительной мере определенная неполнота, краткость и неточность характеристик некоторых важных исследований. Тем не менее С. А. Семенову-Зусеру удалось впервые в советской археологии дать несомненно интересный обзор огромного количества книг и статей, связанных с изучением скифской проблемы, начиная с XVIII в. и до наших дней. В 1948 г. эта книга была защищена С. А. Семеновым-Зусером в качестве докторской диссертации. В послевоенные годы С. А. Семенов-Зусер приступил к раскопкам курганов и городищ скифской эпохи у г. Люботина и у с. Большая Гомольша, а затем под влиянием В. А. Бабенко, который несколько последних лет своей жизни работал лаборантом в Археологическом музее ХГУ, начал раскопки катакомбного могильника в Верхнем Салтове. Однако эти средневековые памятники были чужды основной тематике С. А. Семенова-Зусера. Поэтому результатом раскопок явились только публикации отчетов о раскопках могильника без всяких попыток анализа полученных результатов.

С 1966 по 1977 г. кафедру древней истории и археологии возглавлял воспитанник университета Б. А. Шрамко. Первые его шаги в области научной работы были сделаны еще в студенческом археологическом кружке, вначале под руководством И. Н. Луцкевича, а затем — С. А. Семенова-Зусера. Один из его студенческих докладов «Керамика салтовской культуры» был отмечен премией министра ВССО СССР, а позже опубликован в «Ученых записках» университета. В 1953 г. Б. А. Шрамко защитил кандидат-

скую диссертацию «Памятники скифского времени в бассейне Сев. Донца», а в 1965 г. — докторскую диссертацию «Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы в скифскую эпоху».

Основные исследования Б. А. Шрамко развивались по нескольким направлениям, причем для всех характерно его стремление использовать в археологических исследованиях возможности и методы естественных наук. Примерно две трети из 150 работ, в том числе обе диссертации и одна монография, посвящены изучению различных вопросов, относящихся к скифской эпохе раннего железного века. Другие работы посвящены изучению памятников бронзового века и предскифской эпохи, периода раннего средневековья, вопросам методики и организации учебной работы или, как книга «Древности Северского Донца», охватывают большой хронологический диапазон от палеолита до эпохи Киевской Руси.

В первые послевоенные годы Археологический музей ХГУ почти не располагал коллекциями материалов, относящихся к скифской эпохе. Поэтому с целью накопления достаточного количества источников Б. А. Шрамко много внимания уделял разведкам и раскопкам. Его самостоятельные полевые исследования начались в 1950 г. С тех пор он ежегодно проводит разведки и раскопки, возглавляя сначала Северско-Донецкую, а затем Скифо-славянскую археологические экспедиции. Полевые работы 1950—1988 гг. охватили большую территорию: Харьковскую, Полтавскую, Сумскую, Донецкую, Черниговскую, Киевскую, Черкасскую и Винницкую области УССР, а также Белгородскую и Курскую области РСФСР. В ходе этих работ был накоплен огромный материал, который лег в основу ряда исследований.

Вскоре в самостоятельную экспедиционную работу начали включаться и ученики Б. А. Шрамко — археологи *В. К. Михеев, Б. П. Зайцев, Ю. В. Буйнов, В. П. Андриенко, А. А. Моруженко, А. К. Десять, В. Е. Радзиевская, А. Г. Дьяченко, С. И. Берестнев, Ю. Н. Бойко* и др. В результате значительно расширился круг изучаемых памятников и объем полевых работ. Археологический музей стал быстро пополнять свои фонды и экспозицию.

Во время экспедиционных работ Б. А. Шрамко первым обстоятельно исследовал комплекс VI—III вв. до н. э. у с. Островежовка, состоящий из селища и курганного могильника. Здесь отмечена своеобразная планировка поселений лесостепной культуры в виде расположения зольников по кругу. Раскопки на городище у пос. Караван позволили обнаружить зольник с остатками глиняного жертвенника и глиняными культовыми моделями зерен. Городище скифской эпохи в окрестностях г. Люботина исследовано на большой площади почти полностью, что позволило получить большой и разнообразный материал, выяснить особенности устройства оборонительных сооружений. Среди хозяйственных остатков на этом городище впервые обнаружена печь для цементации железа.

Исключительно важным лесостепным поселением скифской эпохи является Бельское городище в бассейне р. Ворсклы, на ко-

тором и сосредоточивается внимание Б. А. Шрамко с 1954 г. Раскопки этого, самого большого в Восточной Европе городища раннего железного века, имевшего площадь более 4020 га, представляют большую трудность. Несмотря на это, в результате многолетних исследований на городище к 1989 г. была вскрыта площадь более 41 тыс. кв. м. Были сняты точные планы всех укреплений, изучена система оборонительных сооружений, обнаружены разнообразные жилища, погребя, хлевь, овины, ямы для хранения зерна, остатки ремесленных мастерских, святилище, остатки храма с колоннами, бронзолитейные печи и печь для обжига керамики, остатки кузницы, многочисленные жертвенники и пр. Материалы раскопок на Бельском городище и в его окрестностях положены в основу ряда сообщений, докладов и обобщающих статей Б. А. Шрамко. Основные итоги этих исследований подведены в монографии «Бельское городище скифской эпохи (город Гелон)» [22]. Полученные материалы далеко не исчерпаны, во многих случаях они уникальны и еще долго будут служить источником для различных археологических исследований.

Наряду с изучением поселений скифской эпохи, Б. А. Шрамко проводил и раскопки одновременных курганов. Курганы раскапывались в могильниках у с. Островерховка, в окрестностях г. Люботина, у с. Большая Гомольша, в урочищах Скоробор, Осняги, Перещепино, в могильниках у сёл Липцы, Веселое, Новый Мерчик и др.

Накапливавшийся в ходе раскопок поселений и курганов материал, а также параллельное изучение фондов различных музеев СССР позволили перейти к обобщающим работам и специальным исследованиям крупных проблем. В 1962 г. появилась статья Б. А. Шрамко о поселениях скифской эпохи в бассейне Северского Донца, в которой были подведены итоги десятилетнего их изучения [23]. В более широком плане написана монография «Древности Северского Донца», в которой впервые дана характеристика всех известных к тому времени памятников на этой территории: от эпохи палеолита до периода Киевской Руси, причем многие разделы ее были написаны на основе новых материалов, впервые вводимых в научный оборот [24]. Эта работа до сих пор остается наиболее полным обзором археологических памятников в бассейне Северского Донца, сделанным к тому же на широком историческом фоне. Книга получила высокую оценку [25].

Основное направление работ Б. А. Шрамко связано с разработкой проблемы хозяйства племен Скифии, которые проводились на основе широкого использования возможностей не только археологии, но и различных естественных наук. Большое внимание уделялось изучению вопросов истории земледелия, домашних промыслов и особенно ремесел. Следует отметить, что история земледелия раннего железного века в 50-х годах была изучена очень слабо. Б. А. Шрамко нашел новые доказательства того, что земледелие скифской эпохи и даже бронзового века, а, вероятно, и энеолита было пашенным. До появления работ Б. А. Шрамко

считалось, что в Восточной Европе нет остатков рал более древних, чем раннесредневековые. Б. А. Шрамко высказал мнение, что среди них имеются и более древние, относящиеся к раннему железному и даже к бронзовому веку. Это подтвердилось датировкой рала из Полесья радиоуглеродным методом [26]. Б. А. Шрамко предложил классификацию кривогибильных рал, которая с небольшими изменениями используется исследователями и в настоящее время. Исследователь вновь привлек внимание ученых к изображениям на симферопольской стеле первой половины 2 тыс. до н. э. тем, что дал более точное изображение и новую расшифровку рисунков. Коте заметил здесь рала, но Б. А. Шрамко удалось доказать, что на стеле имеется изображение целой культовой сцены подготовки к пахоте и показаны такие земледельческие орудия, как рала, мотыги, кирки, парная упряжка быков с архаическим ярмом. Было обращено также внимание на то, что стела дает древнейшее в Восточной Европе свидетельство существования у местного населения земледельческого культа умирающего и возрождающегося божества [27].

Использование всех видов источников, в том числе палеоботанических, позволило уже в первых работах значительно расширить сведения о растениях, которые выращивали земледельцы скифской эпохи. В дальнейшем совместная работа с З. В. Янушевич привела к появлению обобщающей работы о культурных растениях Скифии [28]. Здесь впервые удалось объяснить странное сообщение Геродота о том, что скифы-пахари «сеют хлеб не для собственного потребления, а для продажи» (IV, 17). Дело в том, что хлебом, который скифы продавали грекам, была преимущественно мягкая пшеница, а сами скифы предпочитали полбу.

Также успешной была разработка проблемы развития ремесел в Скифии. К изучению отдельных вопросов этой проблемы Б. А. Шрамко удалось привлечь специалистов-металловедов — проф. Л. А. Солнцева, инженера Л. Д. Фомина и др. Это позволило проводить разработку тем по истории ремесла на более высоком уровне. Результаты исследований вылились в серию статей по металлургии и металлообработке железа на юге Восточной Европы. В них рассматривались вопросы металлургии железа в Скифии и впервые отмечено применение флюсов местными ремесленниками; сообщалось о выявлении первой в Восточной Европе находки изделия из метеоритного железа и древнейшей находке из чугуна на этой территории. До сих пор отечественные и зарубежные исследователи обращают внимание на статью, в которой впервые на основе объективных металлографических анализов была дана характеристика уровня обработки железа в лесостепной и степной Скифии, на основе изучения орудий, оружия, предметов конской упряжи и других предметов выявлены типичные технологические приемы кузнецов скифской эпохи, оказавшиеся в ряде случаев весьма сложными.

Эти выводы неоднократно дополнялись результатами новых исследований. Б. А. Шрамко особое внимание уделял изучению

железных орудий, которые во многом определяли возможности ремесленников раннего железного века. Из массы находок, не всегда правильно охарактеризованных, были выделены орудия кузнецов скифской эпохи. Разработана детальная классификация ножей — самых массовых и разнообразных орудий производства. Впоследствии эта классификация была уточнена и расширена [29]. Б. А. Шрамко решительно выступает против утверждения о том, что скифская культура якобы привнесена извне в готовом виде, и подтверждает это конкретными фактами, прослеживая технологическую связь изготовления некоторых видов скифского вооружения с доскифским, киммерийским оружием.

Б. А. Шрамко выступал с докладами по истории ремесел раннего железного века в Восточной Европе на ряде отечественных и международных конференций. Его работы в этой области получили широкую известность и были высоко оценены. В 1967 г. Б. А. Шрамко был избран членом Международного комитета ЮНЕСКО по изучению древней металлургии железа [30] и с этого времени принимает активное участие в деятельности комитета, поддерживает научные связи с его членами.

Ряд его работ посвящен бронзолитейному и ювелирному производством. В коллективной работе о бронзовых котлах раннего железного века он рассматривает вопрос о происхождении скифских котлов, впервые четко показывает типологические признаки сибирских, скифских и сарматских котлов, которые ранее нередко смешивались [31]. Металлографические и химические анализы позволили в деталях реконструировать технику изготовления котлов, по поводу которой высказывались различные точки зрения. Специальные статьи посвящены изучению техники изготовления золотых украшений, сарматского вооружения, а также разоблачению подделки, которая якобы имела отношение к скифскому бронзолитейному ремеслу. Обработке цветных металлов и выделению соответствующих центров посвящен доклад Б. А. Шрамко, с которым он выступал на симпозиуме в Чехословакии [32]. До сих пор единственным специальным исследованием по вопросам кожевенного производства скифской эпохи является статья Б. А. Шрамко «Обработка кожи в Скифии», в которой дана сводка инструментов и используются специальные анализы образцов кожи [33].

Помимо разработки вопросов истории хозяйства скифской эпохи, Б. А. Шрамко занимался изучением социально-политических вопросов. Они рассматриваются почти в каждой главе монографии «Древности Северского Донца», в учебных пособиях «История первобытного общества» [34] и «Археология раннего железного века Восточной Европы» [29] и других работах. Так, говоря о проблемах социальной структуры скифского общества и возникновения у них государственного образования, Б. А. Шрамко, учитывая новейшие данные, отмечает, что у скифов формировалось раннеклассовое нерабовладельческое общество, причем основой для возникновения скифской государственности был внут-

ренный процесс классовообразования у собственно скифского населения степей. Аналогичный процесс формирования раннеклассового общества происходил и у лесостепных нескифских племен, которые не были завоеваны скифами и развивались самостоятельно. В специальной статье рассматривается проблема возникновения городов в Скифии в связи с развитием у местного населения ремесел и торговли, концентрацией жителей на больших городищах, которые были экономическими, политическими и культурными центрами своего времени [35]. Одним из таких городов, возникших из межплеменного центра, было Бельское городище.

В своих исследованиях Б. А. Шрамко уделял также много внимания проблеме этногеографии Скифии. Еще на первой конференции по вопросам скифо-сарматской археологии в 1952 г. он выступил в защиту взгляда о глубоких внутренних различиях культуры племен Степи и Лесостепи. Этой позиции он придерживался и в дальнейшем, поддерживая тезис Б. Н. Гракова и А. И. Мелюковой о том, что лесостепную Скифию населяли в основном нескифские племена, а ираноязычные скифы жили в степной зоне.

Привлекла внимание исследователей и статья Б. А. Шрамко о культурно-хозяйственных особенностях степной и лесостепной Скифии [36]. Здесь сделан вывод о том, что территорию лесостепных племен необходимо выделить в особую, безусловно, нескифскую историко-этнографическую область, населенную различными племенами, у которых в результате длительного взаимного общения, смешивания в процессе переселений и сходных форм хозяйства образовалась и определенная культурная общность. Обосновывается мысль о том, что население этой области в скифскую эпоху сохраняло свою самостоятельность и не входило в политическое объединение скифов, как полагал ряд исследователей. Отмечается, что в целом собственно скифское ремесло было менее развито, чем у лесостепных земледельческих племен даже в период существования Каменского городища. Это подтверждают и новые исследования разных специалистов.

Над вопросами, связанными с изучением археологических памятников скифской эпохи раннего железного века, работали под руководством Б. А. Шрамко и ряд аспирантов и соискателей, которые в настоящее время продолжают свои исследования в других высших учебных заведениях, музеях и прочих учреждениях. А. А. Моруженко, еще будучи студенткой, принимала активное участие в разведках и раскопках Скифо-славянской экспедиции, прошла подготовку в аспирантуре и вскоре успешно начала самостоятельные исследования. Уже первая ее работа, посвященная хозяйственным сооружениям скифской эпохи, показала умение автора делать интересные выводы на основе казалось бы самого рядового материала, которым являются хозяйственные ямы [37]. В дальнейшем А. А. Моруженко сосредоточила свое внимание на изучении городищ скифской эпохи. Она разработала четкую классификацию городищ с учетом типов оборонительных сооружений

и данных топографии [38]. Впервые была дана обобщающая характеристика жилищ лесостепной Скифии. Одну из статей А. А. Моруженко посвятила историографии вопроса о поселениях Скифии. Одновременно с теоретическими разработками А. А. Моруженко вела полевые исследования, обратив особое внимание на еще не изученные оборонительные сооружения таких городищ, как Немировское, у сел Каменка и Сосенка и Полковая Никитовка. Кроме того, раскопки поселений дали разнообразный и важный материал для характеристики хозяйства, быта и культуры местного населения скифской эпохи. Все это легло в основу кандидатской диссертации «Городища лесостепной Скифии», которую А. А. Моруженко защитила в 1969 г.

Аспирант В. П. Андриенко темой своих основных исследований избрал вопрос о религиозных верованиях племен лесостепной Скифии. Во время своих разведок и раскопок он обратил внимание на такие своеобразные сооружения, которые у археологов получили название «майданы», и поддержал исследователей, которые считают, что майданы — это курганы, разрушенные кладоискателями или селитроварщиками путем раскопок с применением волюкуш. Специальная статья посвящена характеристике основных культовых обрядов и сооружений у тех же племен [39]. В результате проделанной работы В. П. Андриенко написал и в 1975 г. защитил кандидатскую диссертацию «Земледельческие культы племен лесостепной Скифии (VII—V вв. до н. э.).

Аспирант Ю. Н. Бойко с самого начала специализировался на изучении социальных проблем по археологическим источникам с использованием новых методов. Новизна заключалась уже в том, что, кроме данных курганных погребений, которые обычно использовали в этих целях, Ю. Н. Бойко впервые привлек материалы поселений, раскопанных на широких площадях, что позволило выяснить особенности планировки. Для получения наиболее объективных наблюдений о социальном составе древних обществ, их структуре и системе общественного организма он широко использовал возможности математической статистики. На подготовительной стадии много внимания было уделено разработке и практической апробации методов применения системного подхода и возможностей многомерного статистического анализа археологических источников [40]. В результате ему удалось написать интересную работу «Социальный состав населения бассейна Ворсклы в скифское время (VII—III вв. до н. э.)», которая была в 1986 г. защищена в качестве кандидатской диссертации.

Соискательница В. Е. Радзиевская еще в студенческие годы принимала активное участие в разведках и раскопках Скифо-славянской экспедиции, а затем начала проводить раскопки самостоятельно. Очень интересные результаты были получены при исследовании селища срубной культуры бронзового века в урочище Поляны у с. Шпаковка. Основным объектом ее многолетних раскопок стало городище скифской эпохи у пос. Коломак. На этом южном форпосте земледельцев лесостепной культуры скифской

эпохи были обнаружены жилища, хозяйственные комплексы, даже уникальный древний колодец и много вещественных материалов для характеристики хозяйства и культуры местного населения. Впервые здесь удалось зафиксировать комплексы, свидетельствующие о тяжелой борьбе местных жителей с кочевниками. Важные результаты были получены и при раскопках курганов у Коломака [41]. Темой ее основных исследований стала история обработки кости и рога у племен лесостепной Скифии. Эти вопросы рассматриваются и в ряде ее статей [42].

Соискатель П. А. Гавриш начал работу над темой «Происхождение и развитие лесостепных племен бассейна Псла в VII—III вв. до н. э.». С целью накопления археологических источников по этой теме он провел широкие разведывательные работы в бассейне Псла и в 1988 г. начал планомерные раскопки Кнышевского городища.

Другим важным направлением научной работы Б. А. Шрамко и его учеников было изучение памятников бронзового века и особенно переходного предскифского периода. Еще в 1950 г. ученый начал обследовать многослойное селище у с. Большая Даниловка и отметил паличие здесь отложений бронзового века, в том числе таких, которые относились к какой-то новой группе памятников предскифского времени. В 1951 г. на селище у с. Шаровка (Хмаровка) был выделен уже целый культурный слой предскифского времени, содержащий ярко выраженные находки, которые относились к культуре, получившей позже название бондарихинской. Первые сведения об этих находках были опубликованы уже в 1954 г., а в 1955 г. Б. А. Шрамко сделал в Институте археологии АН СССР доклад о новых памятниках предскифского времени [43]. Следует отметить, что первое сообщение Д. Я. Телегина о находках остатков какой-то неизвестной культуры бронзового века в урочище Бондариха появилось в 1956 г., а первое сообщение В. А. Ильинской о продолжении раскопок в этом урочище напечатано в 1957 г. В дальнейшем, рассматривая на основе новых находок вопрос о формировании лесостепной культуры скифской эпохи, Б. А. Шрамко выступает против тезиса В. А. Ильинской о том, что культура скифской эпохи в лесостепном Левобережье появляется в готовом виде, безо всякой связи с культурой предшествующего этапа на этой территории [44], и в специальной статье приводит доказательства того, что в процессе сложения лесостепной культуры, кроме других этнических групп, принимало участие и население бондарихинской культуры [45]. Дальнейшие исследования подтвердили эти наблюдения.

Неоднократно Б. А. Шрамко обращался к проблеме взаимоотношения киммерийской и скифской культур, выступая против взгляда об отсутствии преемственности между киммерийской и скифской культурами. В 1979 г. на конференции по проблемам эпохи бронзы на юге Восточной Европы он выступает с докладом о киммерийском вкладе в культуру скифской эпохи, а в 1984 г. на конкретных примерах находок предскифского и раннескифского

времени прослеживает связь киммерийского биметаллического оружия с оружием скифской эпохи, причем в такой мере, что можно говорить о преемственности металлообрабатывающего ремесла. Определенная связь отмечается и в развитии технологии литья бронзовых наконечников стрел [46].

Суммируя результаты исследований памятников предскифской и раннескифской эпохи, Б. А. Шрамко пришел к выводу, что вопрос о происхождении скифов не следует смешивать с вопросом о происхождении скифской культуры, как это делают некоторые археологи. Хотя исторические скифы действительно пришли из Азии сначала на Северный Кавказ, а затем в борьбе с киммерийцами завоевали всю территорию степей Северного Причерноморья, но «скифская культура не была привнесена в Восточную Европу в готовом виде откуда-то из глубин Азии, и вместе с тем она не является результатом прямого развития какой-то местной культуры конца бронзового века, в частности позднеархаической. Своеобразная скифская культура является новообразованием, сложившимся уже в Сев. Причерноморье во второй половине VII—начале VI в. до н. э. До этого можно обнаружить лишь отдельные элементы, которые вошли затем в скифскую культуру...» [29, с. 17]. В то же время своеобразные черты племен лесостепной историко-этнографической области складывались постепенно и в основном на местной основе, уходящей своими корнями в доскифское время, в эпоху бронзы.

Много нового в дальнейшую разработку проблем бронзового века и предскифской эпохи внесли исследования учеников Б. А. Шрамко — Ю. В. Буйнова и С. И. Берестнева. Ю. В. Буйнов приступил к самостоятельным исследованиям в 1975 г., имея к этому времени уже богатый опыт полевых работ в Скифо-славянской и новостроечных экспедициях. Основное внимание он уделяет изучению памятников еще малоизученной бондарихинской культуры. Имевшиеся к этому времени материалы по этой культуре были малочисленны и отрывочны, о погребениях в литературе вообще не было никаких данных. Поспешные выводы В. А. Ильинской о генетической связи бондарихинской культуры с марьяновской привели к возникновению споров о происхождении и особенностях развития бондарихинской культуры.

В ходе энергичных разведок Ю. В. Буйнову удалось только в бассейне Северского Донца открыть более 30 новых поселений позднего бронзового века, в том числе и бондарихинской культуры (у с. Великая Тополяха, Миргороды, Черкасский Бишкин, Родной Край, Великая Бабка, Кицевка и др.). Особенно ценным было открытие и тщательное исследование грунтового могильника бондарихинской культуры у с. Тимченки, что позволило не только выявить характерные черты погребального обряда, но и определить принадлежность к бондарихинской культуре могильника у ст. Основа и погребения у с. Бутенки. Ю. В. Буйнову удалось организовать планомерные и широкомасштабные раскопки поселений Тимченки, Великая Тополяха, Родной Край и другие, в ходе

которых были получены сведения о различных жилищах, культовых зольниках, обнаружено святилище, найдены остатки, характеризующие местную металлургию бронзы и железа, получен важный палеоботанический материал и пр. На основе новых данных был дан интересный очерк хозяйства племен бондарихинской культуры [47].

С 1976 г. стало известно о существовании укрепленных поселений этой культуры (Ракитное, Пролетарское, Задонецкое, Веселое). Городище у с. Веселое было исследовано путем раскопок, что позволило познакомиться с целым комплексом в виде жилища, ряда хозяйственных ям и кухонного помещения. Итоги изучения поселений были подведены в специальной статье [48]. Таким образом, новые раскопки дали разнообразный и богатый материал, который Ю. В. Буйнов исследовал и обобщил в монографии «Бондарихинская культура», защищенной в 1981 г. в качестве кандидатской диссертации. В последующее время Ю. В. Буйнов продолжил разведки и раскопки памятников позднего бронзового века и предскифского периода. Наибольшее значение имели его раскопки на поселениях Родной Край I и III, Феськи, Сухая Гомольша, Меловая, в урочище Бондариха и др. В 1986—1987 гг. Ю. В. Буйновым были возобновлены раскопки таких классических памятников, как селища в урочище Бондариха и селище у с. Студенок, бондарихинские слои которых не были полностью исследованы ранее. Новые раскопки дали чрезвычайно важные материалы, позволяющие иначе решать проблему происхождения племен бондарихинской культуры. Одновременно Ю. В. Буйнов целенаправленно трудится над разработкой компьютерных методов анализа археологических источников, успешно развивая это новое направление. Использование таких методов многомерного статистического анализа, как факторный, кластерный и дискриминантный, оказалось весьма плодотворным при классификации погребальных памятников и форм керамических сосудов.

Вопросы, связанные с изучением памятников эпохи энеолита и бронзового века разрабатывает С. И. Берестнев. Первые его полевые исследования и теоретические разработки были посвящены изучению лесостепных памятников срубной культуры бронзового века, которые были настолько слабо известны, что высказывалось даже предположение об отсутствии на Дону и Северском Донце памятников позднесрубной культуры, соответствующих белозерскому этапу. В ходе разведок С. И. Берестнева было обнаружено много новых поселений срубной культуры в бассейнах Сев. Донца и Ворсклы (Утковка, Старица, Марьевка, Подгороднее, Zubовка и др.).

Широкие раскопки были организованы на селище в урочище Таранцево, содержащем отложения ранне- и позднесрубного времени, и на селище Утковка-1. Это позволило получить много новых материалов для общей характеристики и понимания особенностей развития срубной культуры в лесостепной области бассейна Северского Донца. Изучение поселений было дополнено рас-

копками курганов на территории Чугуевского, Богодуховского и Готвальдовского районов Харьковской области. Все это позволило С. И. Берестневу написать и в 1983 г. защитить диссертацию «Срубная культура лесостепного Левобережья Украины», в которой были обобщены и исследованы данные о 128 бытовых и 230 погребальных памятниках,кладах и отдельных находках. В этой работе была установлена хронология и периодизация срубных памятников исследуемого региона, показано их своеобразие.

В дальнейшем С. И. Берестнев уделяет основное внимание раскопкам курганов на территории Харьковской области. В период с 1983 по 1988 гг., руководя новостроечной экспедицией, он раскопал более 100 курганов в Балаклейском, Зачепиловском, Красноградском, Кегичевском, Боровском, Первомайском и Лозовском районах. В результате было обнаружено около 300 погребений эпохи энеолита, бронзового века, раннего железного века и эпохи средневековья. Параллельно проведены раскопки срубного поселения у с. Снежковка и катакомбно-срубного поселения у с. Студенок. В специальной статье С. И. Берестнев рассматривает лесостепные погребения предскифского периода [49].

Исследованием древних погребений на территории степного Крыма занималась рано умершая от тяжелой болезни аспирантка *Е. Н. Черепанова*, которая участвовала в раскопках большого количества курганов в зоне новостроек и опубликовала ряд работ, характеризующих памятники эпохи энеолита бронзового и раннего железного века [50]. Одна из ее работ посвящена характеристике погребений поздних кочевников в Крыму.

Третьим крупным направлением археологических исследований, которые развернулись в Харьковском университете, является изучение древностей раннего средневековья, связанное с исследованием памятников пеньковской, салтово-маяцкой, роменской культур и древнерусской культуры эпохи Киевской Руси. К исследованиям этой группы памятников примыкают и работы по изучению полиэтничной черняховской культуры самого конца раннего железного века, так как ее изучение тесно связано с разработкой проблемы славянского этногенеза. Круг очень актуальных вопросов истории раннего средневековья привлекал и привлекает внимание многих университетских археологов.

История изучения славянских памятников в Харьковском университете ведет свои традиции от *В. В. Пассека*. В 20-х годах начался новый этап их изучения. К концу 30-х годов в бассейне Северского Донца было известно уже около 30 поселений и 2 могильника черняховской культуры III—IV вв. Как и многие археологи того времени, *А. С. Федоровский*, стоявший у истоков этих исследований на Харьковщине, считал черняховские древности славянскими. Итоги изучения черняховской культуры предполагалось подвести в специальной археологической карте. Однако работа над ней была прервана Великой Отечественной войной и данные к карте удалось опубликовать лишь в 1948 г., уже после

гибели ее составителя И. Н. Луцкевича [51]. Это была первая специальная работа о черняховских памятниках Харьковщины, где сведены все известные данные о памятниках данной культуры, открытые и исследованные харьковскими археологами, в том числе и самим автором. Утерянные во время войны черняховские материалы пополнялись в 50-х—начале 60-х годов Б. П. Зайцевым, В. К. Михеевым, Б. А. Шрамко и др. Сведения о новых памятниках были частично опубликованы Б. А. Шрамко в монографии «Древности Северского Донца» [24, с. 256—262] и в 1964 г. бывшим тогда заведующим археологическим музеем Б. П. Зайцевым [52]. В ходе дальнейших разведок памятники черняховской культуры открывались неоднократно, но раскапывались лишь немногие из них. К последним следует отнести раскопанный Б. А. Шрамко могильник у с. Павлюковки, поселения Войтенки 1 и 2, а также селище Лыняное, которые исследовал в 70-х годах А. Г. Дьяченко. Ю. В. Буйнов в связи с изучением бондарихинской культуры обнаружил и исследовал в 1978—1979 гг. отложение черняховской культуры у с. Родной Край, где вскрыл 3 трупосожжения в урнах и 2 трупоположения в ямах IV—нач. V вв. В 1980—1982 гг. аспирант Е. Н. Петренко продолжил раскопки в Родном Крае и обнаружил еще 9 погребений черняховской культуры. Накопленные материалы нуждаются в пристальном изучении и еще ждут своего пытливого исследователя.

Открытие раннесредневековых памятников пеньковского типа археологами университета относится к началу 50-х годов. В 1953 г. Б. А. Шрамко обнаружил у с. Задонецкое селище, которое он подверг небольшим раскопкам в 1969—1970 гг. В 1961 г. несколько пеньковских селищ зафиксировал В. К. Михеев на правом берегу Краснооскольского водохранилища. На территории Восточного Бельского городища Б. А. Шрамко обнаружил селище VI—VII вв. с керамикой пеньковского типа. На селище были раскопаны два полуземляночных жилища и хозяйственная яма. Найден обломок уникальной бронзовой фибулы с циркульным орнаментом и греческими буквами, а также железные изделия. Большие по масштабам раскопки были проведены В. К. Михеевым в 1976—1977 гг. на пеньковском селище VII в. у с. Сухая Гомольша, а в 1977, 1980 гг.— на селище Нижний Бишкин I. В Сухой Гомольше исследованы остатки 4 полуземляночных жилищ [53].

Новые раскопки этого селища, проведенные Ю. В. Буйновым и А. К. Дегтярем в 1985 г., позволили вскрыть остатки еще двух полуземлянок. На протяжении целого ряда лет, начиная с 1974 г. А. Г. Дьяченко изучает селище Занки. Исследованы остатки нескольких жилищ и хозяйственных сооружений. Кроме того, он обнаружил ряд селищ пеньковской культуры: Оболонь 2 и 5, Плоское 3, Голубовка 3, Малая Даниловка. Ю. В. Буйнов при раскопках селища Студенок 5 на всей площади одного из раскопов нашел фрагменты пеньковских лепных горшков и сковородок, а также остатки металлургического производства: куски криц, обломки горнов, железные шлаки. На селище Студенок 6 иссле-

дователь зафиксировал отложения различных археологических культур, в том числе пеньковской. Кроме того, он обнаружил следующие поселения пеньковской культуры: Верхний Бишкин, Пролетарское, Черкасский Бишкин, Кицевка, Безлюдовка. В процессе раскопок поселения срубной культуры в урочище Таранцево у с. Тимченки С. И. Берестнев зафиксировал отложения пеньковской культуры, выявил остатки хозяйственных ям и остатки двух печей-каменок. На селище Zubovka, наряду с остатками культур бронзового и раннего железного веков, он же зафиксировал отложения пеньковской культуры. В 1987 г. студент М. В. Любичев, работавший в составе Средневековой археологической экспедиции под руководством В. К. Михеева, произвел раскопки сезонной стоянки пеньковской культуры Раковка 1 — одного из самых ранних памятников этой культуры в бассейне Северского Донца. В 1988 г. М. В. Любичев изучал при помощи раскопок селище Соколово с отложениями пеньковской и салтовской культур.

Те ценные материалы по роменской и древнерусской культуре эпохи Киевской Руси, о которых упоминалось выше, стали накапливаться в Археологическом музее университета с 1951 г. в результате работ Б. А. Шрамко на средневековых городищах Харьковщины: Водяное, Коробовы Хутора, Мохнач и Донецкое. Интерес к этим памятникам был вызван выяснением очень важного вопроса о появлении славянского населения на лесостепном юго-востоке Восточной Европы, рядом с кочевниками. В связи с этим в 1951—1952 гг. были проведены разведочные раскопки раннеславянского поселения VIII—X вв. у с. Водяное. В 1980 г. результаты этих работ обобщил в специальной статье А. Г. Дьяченко [54, с. 86—93].

Важное значение имели раскопки Б. А. Шрамко на городище Коробовы Хутора в 1953—1954 гг. и 1970 г. Наряду со слоем скифского времени, здесь обнаружены отложения эпохи раннего средневековья, остатки жилищ и хозяйственных помещений, роменская и салтовская керамика, небольшой набор вещей этого времени (VIII—X вв.). Разрез вала в южной части городища выявил остатки сооружений трех строительных периодов, первый из которых относится к раннему железному веку. Относительно датировки двух других, как и об этнической принадлежности строителей городища в послескифский период, среди археологов нет единой точки зрения до сих пор. Наиболее полно материалы этого памятника опубликованы А. Г. Дьяченко [55, с. 97—106]. В 1953—1954 гг. проводились раскопки городища у с. Мохнач — сложного в планиграфическом и стратиграфическом отношении памятника с фортификационными сооружениями раннего железного века и эпохи раннего средневековья (VIII—X вв.). Вопрос об этнической принадлежности населения этого памятника остается остродискуссионным до настоящего времени.

В 1955—1957 и 1959—1961 гг. объектом исследования экспедиции под руководством Б. А. Шрамко было Донецкое городище — древнерусский город Донец, сведения о котором сохранились в

русских летописных сводах и знаменитом «Слове о полку Игореве». В ходе исследований изучались оборонительные сооружения, почти полностью была раскопана укрепленная часть — детинец и значительная часть посада [24]. Богатейшие материалы этого памятника, как показали раскопки, относятся в основном к двум хронологическим этапам — VIII—X вв. и X—XIII вв. Они характеризуют соответственно раннеславянскую роменскую и древнерусскую культуры. Материалы Донецкого городища еще не заняты того места, которое принадлежит им по праву среди древностей восточных славян. Значительная их часть была использована в кандидатской диссертации А. Г. Дьяченко «Славянские памятники VIII—середины XIII вв. в бассейне Северского Донца». В ней обобщены результаты раскопок роменских и древнерусских поселений эпохи Киевской Руси в исследуемом регионе, делается попытка выяснить локальные особенности быта, хозяйства, социально-политической организации и этнического состава населения, характер и масштабы связей славян с носителями салтовской культуры и поздними кочевниками. К сожалению, единственный на Харьковщине древнерусский город эпизодически разрушается современными земляными работами, и охранные раскопки этого памятника, предпринятые, например, А. Г. Дьяченко в 1977 г., являются лишь слабым утешением того непоправимого урона, который наносится археологическим памятникам вообще и древнерусской культуре в частности.

Работы по исследованию памятников салтовской культуры VIII—X вв., прерванные с кончиной С. А. Семенова-Зусера, в широких масштабах были продолжены В. К. Михеевым. Свою научную работу он начал студентом во второй половине 50-х годов под руководством Б. А. Шрамко. Его первые научные интересы лежали в области изучения недавно открытой тогда бондарихинской культуры и ее связи с памятниками скифского времени, монументальной скульптуры поздних кочевников. Самостоятельные полевые исследования ученый начал после окончания университета в 1960 г., когда был оставлен лаборантом в Археологическом музее и возглавил Средневековую экспедицию университета. С этого времени В. К. Михеев проводит систематические разведки на территории Харьковской, Донецкой и Ворошиловградской областей, открыл целый ряд памятников от эпохи неолита до позднего средневековья. В центре этих исследований находятся памятники салтовской культуры. Первые раскопки были осуществлены в 1961 г. на грунтовом могильнике VIII—X вв. у с. Залиман, открытым Н. В. Сибилевым еще в 20-х годах. Раскопки показали, что могильник полностью уничтожен разработкой глины для местных нужд, а вещи из погребений разошлись среди жителей села, часть из которых экспедиции удалось собрать.

В дальнейшем (1963—1966, 1968, 1978 гг.) основным объектом исследования стал археологический комплекс у с. Маяки Славянского р-на Донецкой обл. Уже первые раскопки этого памятника дали столь значительный в научном отношении материал, что

позволили на новых источниках поставить ранее слабо изученную проблему о хозяйстве населения салтовской культуры, которая и стала основным объектом изучения В. К. Михеева. В 1968 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Основные ремесленные производства болгаро-аланского населения Подонья в VIII—X вв.» и был оставлен в университете в качестве преподавателя кафедры древней истории и археологии. Основные выводы диссертации в кратком виде опубликованы в брошюре «Достижения ремесленников салтовской культуры» [56].

В ходе полевых исследований В. К. Михеевым были открыты, полностью или частично раскопаны такие памятники, значение которых трудно переоценить для средневековой археологии юга Восточной Европы. Особенно следует отметить раскопки городищ с так называемыми «земляными валами» в бассейне среднего течения Северского Донца. Раскопки в Маяках позволили установить, что поселение представляет сложный археологический комплекс. Основным типом жилищ здесь были наземные постройки, часть из которых представлена юртами с открытыми очагами. Найдены предметы салтовской культуры более 100 наименований. Одних изделий из черных металлов было обнаружено более 700 экземпляров не менее 80 наименований. Они представляют собой самую большую и лучшую в СССР коллекцию орудий труда сельского хозяйства, ремесленного производства, различных промыслов, а также бытовых предметов, значительно превышающую известную коллекцию из хазарского слоя Саркела. Часть этой коллекции была опубликована в специальной статье [57].

В свете полученных данных поселение Маяки в VIII—X вв. представляется как хорошо развитый земледельческий, торговый и ремесленный центр. Таким же центром салтовской культуры было Сидоровское городище, однако из-за сравнительно небольшого объема раскопочных работ, проведенных в 1971 г., вещественные остатки в количественном отношении представлены здесь слабее, чем на расположенном рядом поселении Маяки. Иной характер имело Теплинское поселение, исследованное в 1972 г. Материалы этого памятника характеризуют его как городище-убежище. В результате раскопок поселений с земляными валами впервые удалось установить, что городища этой группы в период своего функционирования были защищены деревянными стенами.

В 1969, 1973—1982 гг. Средневековая экспедиция под руководством В. К. Михеева исследовала Сухогомольшанский археологический комплекс и ряд поселений пеньковской и салтовской культур, расположенных рядом с ним. На городище выявлены каменные оборонительные сооружения и изучена их конструкция, а на селище обнаружены пеньковские, роменское и салтовские жилища. Но особенно ценную информацию принесли раскопки Сухогомольшанского могильника. Памятник был раскопан полностью, что в практике археологии встречается крайне редко, а для салтовской культуры является исключением. Определены границы и площадь могильника (5836 м²), его структура и общее

количество захоронений (320). В результате раскопок выявлен обряд захоронения (трупосожжения в урнах и ямах) и установлена датировка могильника (вторая половина VIII—начало XX вв.) [58]. Получен совершенно новый археологический материал для решения важных этнографических вопросов на юге нашей страны в эпоху раннего средневековья. Отношение Сухогомольшанского могильника к салтовской культуре определено вещевым инвентарем, а угорская этническая принадлежность установлена на основе коньковых подвесок [59] и антропологического материала [60].

Кроме могильника у с. Сухая Гомольша, В. К. Михеев исследовал такие могильники VIII—X вв., как Балаклейский и Старосалтовский. Следует отметить также участие средневековой экспедиции и практикантов исторического факультета под руководством В. К. Михеева в работах Советско-Венгерской экспедиции по исследованию Маяцкого археологического комплекса в 1975 г. Харьковский отряд этой международной экспедиции открыл и начал исследовать Маяцкий катакомбный могильник, раскопки которого продолжил В. С. Флеров.

Наиболее ценные научные результаты были получены во время раскопок Красногорского могильника, памятника чрезвычайно редкого и своеобразного для археологии юга Восточной Европы. Раскопки могильника были начаты в 1984 г. и продолжаются до настоящего времени. Вскрыто 130 погребений. Зафиксирован биритуальный обряд погребения: трупоположения и трупосожжения. Вещевой материал разнообразен и принадлежит различным категориям инвентаря: орудиям труда, украшениям, предметам туалета, вооружения, конскому снаряжению и пр. Как и материалы Сухогомольшанского могильника, красногорские дают важные сведения для изучения этнических процессов в эпоху раннего средневековья на юге Восточной Европы. Они наглядно показывают инфильтрацию в салтовскую культурную среду потомков досалтовского пеньковского населения окраинных степных и пограничных со Степью лесостепных районов, неславянского, по мнению В. К. Михеева, происхождения. Отдельные погребения или остатки разрушенных могильников VIII—X вв. типа Сухогомольшанского или Красногорского фиксировались археологами университета неоднократно, например, Д. И. Багалеем — у с. Тополи, Б. А. Шрамко — у с. Пятницкое, Ю. В. Буйновым и А. В. Крыгановым — у с. Вербовка в урочище Лысый Горб и др.

Большое значение имели результаты раскопок на селище № 2 у Волчанского городища, проведенных В. К. Михеевым и Б. А. Шрамко в 1966 г. Здесь были обнаружены сильно ошлакованные остатки корпуса наземного металлургического горна для выплавки железа и стали, сделанного, как показал петрографический анализ, из огнеупорной глины [61]. Это открытие позволило по-новому подойти к этнокультурной принадлежности и датировке некоторых известных на юге Восточной Европы сырдутных горнов и установить различия между сооружениями этого назначе-

ния на территории лесостепного и степного вариантов салтовской культуры, что было важно не только для дальнейшего изучения местной металлургии, но и для решения более широкой проблемы, связанной с формированием и эволюцией остаточной схемы расселения носителей этой культуры. Новые раскопки металлургических горнов, проведенные отрядом Средневековой экспедиции (руководитель отряда В. В. Колода) в 1988 г. в с. Верхний Бишкин, дали дополнительные материалы для решения поставленной проблемы.

Содружество с металловедами Л. Д. Солнцевым, Л. Д. Фоминым, Р. Б. Степанской привело к решению проблемы о металлообработке черных металлов у населения салтовской культуры. Специальные статьи были посвящены классификации и технологии изготовления сельскохозяйственных орудий, ножей и отдельных видов оружия, где впервые на основе объективных данных показаны различные приемы и способы кузнечных работ [62].

Многолетние исследования В. К. Михеева в области изучения салтовской культуры были обобщены в монографии «Подонье в составе Хазарского каганата», в которой показаны экономические основы северо-западной Хазарии и дано описание хозяйственной деятельности ее населения: скотоводства и земледелия, различных ремесел и промыслов [63]. В 1986 г. В. К. Михеев защитил докторскую диссертацию «Экономика и социальные отношения у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья (середина VIII—середина X вв.)».

Значительная часть материалов, полученных во время работ Средневековой экспедиции, была положена в основу кандидатской диссертации аспиранта А. В. Крыганова «Вооружение и конское снаряжение кочевников юга Восточной Европы VII—X вв.», защищенной в 1988 г. Этой тематике посвящен ряд его статей.

Большая работа, проведенная учеными университета по выявлению и регистрации местных памятников археологии, позволила подготовить первый справочник по археологии Украины [64] и значительную часть археологического раздела Свода памятников истории и культуры УССР, посвященного Харьковской области.

Список литературы: 1. *Каразин В. Н.* О древностях слободско-украинской губернии (1827 г.). Х., 1910. 2. *Его же.* Дополнение к статье о наших древностях, напечатанной в предыдущем номере (1839 г.). Х., 1910. 3. *Пассек В. В.* Курганы и городища Харьковской губернии // ЖМНП. 1837. Ч. 25, № 9. 4. *Срезневский И. И.* Историческое обозрение гражданского устройства Слободской Украины со времени ее заселения до преобразования в Харьковскую губернию // Прибавление к Харьковским губернским ведомостям № 31. 1839. 12 авг. 5. *Срезневский И. И.* О городищах в землях славянских, преимущественно западных // 300 ИД. 1948. Т. 2, отд. 1. 6. *Ефименко П. С.* Кое-что о древностях Харьковской губернии // Харьковский сборник. Х., 1887. Вып. 1. 7. *Чириков Г. С.* О каменных бабах Харьковской губернии // Тр. Харьк. предварительного комитета по устройству XII АС. Х., 1902. Т. 1. 8. *Морозов Ю. И.* О городищах Харьковской губернии // Тр. Харьк. предварительного комитета по устройству XII АС. Х., 1902. Т. 1. 9. *Багалей Д. И.* Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губернии // Тр. XIII АС. М., 1907. Т. 1. 10. *Данилевич В. Е.* Карта монетных кладов и находок отдельных монет Харьковской гу-

бернии // Тр. XII АС. Т. 1. М., 1905. 11. Федоровский А. С. Доисторическое прошлое Харьковской губернии. Х., 1918; Шмидт Ф. И. О Тмутаракани // Изв. Таврич. ученой арх. комиссии. 1918. № 54. 12. Багалій Д. І. Оцінка наукових праць проф. В. Є. Данилевича // Записки іст.-філол. відділу Всеукраїнської АН. К., 1919. Кн. 1; Бузеску В. П. Рец. // Сообщения ГАИМК. 1932. № 5—6. 13. Федоровский А. С. Доисторические разработки медных руд и металлургия бронзового века в Донецком бассейне // Воронеж. ист.-археол. вестн. 1921, вып. 2. 14. Фукс М. К. Про городища скифської доби на Харківщині // Хроніка археології та мистецтва ВУАК. К., 1930. Ч. 1. 15. Potapov A. Inkrustierte Keramik von Belsk // ESA. Helsinki, 1929. IV. 16. Федоровський А. С. Майдани Харківщини та майданові теорії // ЗВУАК. 1930. Т. 1. 17. Його ж. Інструкції та програми для розвідок і реєстрації пам'яток археологічних. Х., 1927. 18. Семенов-Зусер С. А. Скифи-кочівники на території Північного Причорномор'я // Наук. зап. Харк. держ. пед. ін-ту. 1939. Т. 1. 19. Равдоникас В. Й. О применении метода диалектического материализма к истории докалассового общества // Сообщения ГАИМК. 1932, № 5—6. 20. Луцкевич І. Н. Сарматські кургани в с. Нещеретове Ворошиловградської області // Археологія. 1952. Т. 7. 21. Семенов-Зусер С. А. Скифская проблема в отечественной науке. Опыт историографии скифов. Х., 1947. Ч. 1. 22. Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). К., 1987. 23. Його ж. Поселення скифського часу в басейні Дінця // Археологія. К. 1962. Т. XIV. 24. Его же. Древности Северского Донца. Х., 1962. 25. Плетнева С. А. Рецензия // СА. 1964. № 3. Рец. на кн.: Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Х., 1962. 26. Šramko B. A. Der Hakenpflug der Bronzezeit in der Ukraine (A Bronze Age Ard in the Ukraine) // Tools and Tillage. Copenhagen, 1971. Vol. 1, N. 4. 27. Шрамко Б. А. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника (в связи с проблемой возникновения пашенного земледелия в Восточной Европе) // СА. 1961. № 1; Його ж. Про час появи орного землеробства на півдні Східної Європи // Археологія. 1972. № 7. 28. Его же. Археология раннего железного века Восточной Европы. Х., 1983. 29. Шрамко Б. А., Янушевич З. В. Культурные растения Скифии // СА. 1985. № 2. 30. Comité pour la sidérurgie ancienne. Les membres enregistrés jusqu'au 30 juin 1967 // Archeologicke rozhledy. Praha, 1967. XIX. 6. 31. Петриченко О. М., Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомін А. С. Походження і техніка лиття бронзових казанів раннього залізного віку // Нариси з історії природознавства і техніки. К., 1970. Вип. 12. 32. Šramko B. A. Zur Frage über die Technik und die Bearbeitungszentren von Buntmetallen in der Früheisenzeit // Symposium zu Problemen der jüngeren Hallstattzeit in Mitteleuropa, 25—29 September 1970. Smolenice. ČSSR. Bratislava, 1974. 33. Шрамко Б. А. Обработка кожи в Скифии // Проблемы археологии Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепрпетровск, 1984. 34. Его же. История первобытного общества. Х., 1972. 35. Его же. Ф. Энгельс и проблема возникновения городов в Скифии // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. К., 1984. 36. Его же. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии // МИА. 1971. № 177. 37. Морузенко А. О. До питання про господарські споруди скифської епохи // Вісн. Харк. ун-ту. 1966. № 17, вип. 1. 38. Морузенко А. О. Городища скифського часу на території лісостепу Східної Європи // Вісн. Харк. ун-ту. 1969. № 35, вип. 3. 39. Андрієнко В. П. Основні культові обряди та споруди у племен лісостепової Скіфії (VII—V ст. до н. е.) // Вісн. Харк. ун-ту. 1974. № 104, вип. 8. 40. Бойко Ю. Н. Системный подход к изучению общественного развития населения днепровского лесостепного Левобережья в VII—III вв. до н. э. // Вестн. Харьк. ун-та. 1985. № 268. 41. Радзівівська В. Е. Курганы VI в. до н. э. у пос. Коломак на Харьковщине // СА. 1985. № 1. 42. Радзівівська В. Е. Обработка кісток та рогу в лісостепової Скіфії // Археологія. 1981. № 41; Его же. Новые находки предметов скифского звериного стиля // СА. 1979. № 4. 43. Шрамко Б. А. Новые памятники предскифского времени на Сев. Донце // КСИИМК. 1957. Вып. 67. 44. Ильинская В. А. Бондарихинская культура бронзового века // СА. 1961. № 1. 45. Шрамко Б. А. Походження племен раннього залізного віку на території лісостепового Лівобережжя України // ПІН СРСР. Х., 1972. Вип. 14. 46. Его же. Из истории скифского вооружения // Вооружение скифов и сарматов. К., 1984. 47. Буйнов Ю. В.

Про господарство племен бондарихинської культури // Вісн. Харк. ун-ту. 1980. Вип. 12. 48. *Його ж.* Поселення бондарихинської культури // Вісн. Харк. ун-ту. 1979. Вип. 11. 49. *Берестнев С. И.* О погребениях предскифского периода в левобережной Лесостепи Украины // Проблемы археологии Поднепровья. Днепрпетровск, 1985. № 2. 50. *Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Северное Припиривашье в V—I тыс. до н. э. Симферополь, 1969; *Іх же.* Пам'ятки античного часу на березі Каркінітської затоки // Археологія. 1974. № 13. 51. *Луцкевич І. Н.* Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області // Археологія. 1948. Т. 2. 52. *Зайцев Б. П.* Новые материалы черняховской культуры бассейна Северского Донца и Псла // МИА. 1964. № 116. 53. *Михеев В. К., Приходнюк О. М.* Пеньковское поселение Сухая Гомольша // Археологія. К., 1985. № 54. 54. *Дяченко О. Г.* Ранньослов'янське поселення VIII—X ст. на городищі поблизу с. Водяне // Вісн. Харк. ун-ту. 1980. № 201, вип. 12. 55. *Його ж.* Городище Коробові Хутори і його місце серед ранньосередньовічних пам'яток басейну Сіверського Дінця // Вісн. Харк. ун-ту. 1979. № 182, вип. 11. 56. *Михеев В. К.* Достижения ремесленников салтовской культуры. X., 1968. 57. *Його ж.* До питання про ремісниче виробництво салтівської культури // Вісн. Харк. ун-ту. 1967. № 22, вип. 2. 58. *Его же.* Сухогомольшанский могильник // СА. 1986. № 3. 59. *Его же.* Коньковые подвески могильников Сухая Гомольша // СА. 1982. № 2. 60. *Malinowski A., Michejew W.* Suchogomolszafski Zespół osadniczy w świetle danych archeologii i antropologii // Zródła do badań biologii i historii populacji słowiańskich. Poznań, 1981. 61. *Шрамко Б. А., Михеев В. К.* До питання про виробництво заліза у болгароаланських племен салтівської культури // Вісн. Харк. ун-ту. 1969. № 35, вип. 3. 62. *Михеев В. К., Степанська Р. Б., Фомін А. Д.* Зброя салтівської культури та її виробництво (списи) // ПІН СРСР. 1967. Вип. 4; *Іх же.* Ножі салтівської культури та їх виробництво // Археологія. 1973. Вип. 9; *Михеев В. К.* Техника и технология изготовления сельскохозяйственных орудий салтовской культуры // Археологические памятники Юго-Восточной Европы. Курск, 1985. 63. *Михеев В. К.* Подонье в составе Хазарского каганата. 1985. 64. *Шрамко Б. А., Михеев В. К., Грубник-Буйнова Л. П.* Справочник по археологии Украины. Харьковская область. К., 1977.

Поступила в редколлегию 18.11.89

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АС	— Археологический съезд
ВДИ	— Вестник древней истории
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗВУАК	— Записки Всеукраїнського археологічного комітету
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ПІН	— Питання історії народів СРСР
АС	— Советская археология
СГАИМК	— Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
Тр. ... АС	— Труды ... Археологического съезда
УІЖ	— Український історичний журнал
ESA	— Eurasia Septentrionalis antiqua